

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. СТРОГАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «ПРОРОК»

І

В комментариях к «Пророку» важное место должно быть отведено объяснению, как стихотворение соотносится с четверостишием «Восстань, восстань, пророк России...», сохранившимся в памяти современников. Сводки данных об этом четверостишии приводили Н. О. Лернер,¹ П. О. Морозов,² М. А. Цявловский,³ Н. В. Фридман,⁴ В. Э. Ваууро.⁵ На основе сводок можно сделать следующие выводы: 1) текст четверостишия соотносится с «Пророком» либо как первоначальный вариант последнего четверостишия, либо как часть другого стихотворения из цикла на общую тему о пророке; 2) Пушкин имел крамольное четверостишие при себе во дворце во время беседы с Николаем I и был испуган его временной потерей.

Не касаясь второго вопроса, чисто биографического, обратимся к первому — прямо относящемуся к истории текста.

О наличии цикла «Пророк» из четырех стихотворений известно из письма М. П. Погодина П. А. Вяземскому.⁶ Эту версию подтверждают (впрочем, весьма туманно) слова С. А. Соболевского: «...стихотворения о повешенных».⁷ Других высказываний современников-мемуаристов об этом нет. Стоит учесть тот факт, что, судя по дневнику М. П. Погодина, стихотворение «Пророк» стало ему известно, очевидно, лишь в 1828 г. 17 ноября он пишет:

¹ Лернер Н. О. Примечания // Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгера. СПб., 1910. Т. IV. С. I—VIII.

² Пушкин. Сочинения / Под ред. П. О. Морозова. Пг., 1916. Т. 4. С. 304—310.

³ Цявловский М. А. Комментарии // Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. М., 1925. С. 91—94.

⁴ Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М., 1980. С. 188—190.

⁵ Ваууро В. Э. Комментарии // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 424—425.

⁶ Цявловский М. А. Заметки о Пушкине // Звенья. М., 1936. Т. IV. С. 153. Благодарю А. Б. Рогачевского, сделавшего по моей просьбе сверку опубликованного М. А. Цявловским текста (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083, л. 264об.).

⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 13.

«...восхищ(ался) стихами Пушкина из Исайи».⁸ Так можно написать о впервые прочитанном стихотворении. К тому же в 1826 г. Пушкин с Погодиным был знаком еще очень поверхностно и вряд ли мог доверить ему тайное стихотворение. Скорее всего, Погодин судит с чужих слов; четыре стиха превращаются в четыре стихотворения, что и создает версию о цикле.⁹

Версия о цикле обычно мотивируется и художественной несовместимостью текстов «Пророка» и четверостишия.¹⁰ Едва ли не единственными, кто возражал против этого тезиса, были Н. Ф. Сумцов¹¹ и Д. Д. Благой,¹² хотя последний — из соображений более идеологических, чем собственно эстетических.

Чтобы решить этот спор, обратимся еще раз к тексту четверостишия. За основной принимаем текст, записанный в пятидесятые годы П. И. Бартеневым:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг выи
К У. Г. явись!¹³

Мы должны учесть его «коллективность»: он записан со слов М. П. Погодина и А. С. Хомякова с конъектурой С. А. Соболевского,¹⁴ это и делает его более авторитетным в сравнении с другими. Со слов С. А. Соболевского же известны и варианты второго и третьего стихов «Позорной ризой облекись, иди — и с вервием на выи»,¹⁵ а со слов А. В. Веневитинова дан вариант второго, третьего и четвертого стихов:

Позорной ризой облекись,
И с вервием вокруг смиренной выи
К царюявись!¹⁶

Искаженность варианта А. В. Веневитинова очевидна, а то, что мы назвали основным текстом, — вполне добротно.¹⁷ Впечатление

⁸ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. Пг., 1916. С. 25.

⁹ Ошибки Погодина в письме Вяземского по поводу «Арапа Петра Великого» отмечены, см.: Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 296.

¹⁰ См.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 144 и след.; Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. С. 188.

¹¹ См.: Сумцов Н. Ф. 1) Исследования о поэзии А. С. Пушкина. Харьков-ский университетский сборник в память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьков, 1900. С. 193 («Пушкин (...) расширил общечеловеческую сторону художественного образа»); 2) Примечания // Пушкин А. С. Сочинения. 1916. Т. IV. С. 309.

¹² Благой Д. Д. 1) Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 335—541; 2) Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 29—31.

¹³ Рассказы о Пушкине... С. 31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русская старина. 1880. № 1. С. 133.

¹⁶ Там же. № 3. С. 673.

¹⁷ В изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. III. С. 461 — этот текст опубликован как самостоятельный, а не как вариант «Пророка». Первые два стиха

же некоторых исследователей о «художественной беспомощности» его¹⁸ обусловлено, как нам кажется, тем, что до сих пор остается непонятым, кто такой «пророк России». В прошлом веке Н. И. Черняев задавался этим вопросом: «Трудно также понять, что надлежит понимать под выражением „позорная риза“. Уж не рубище ли? Но почему же „пророк России“ должен ходить непременно в разодранной одежде? Это тайна автора разбираемого стихотворения».¹⁹ В веке нынешнем об этом, кажется, никто не высказывался.

Между тем ясно, что поскольку речь в стихотворении идет о назначении поэта, то поэт и есть пророк. В интересующее нас время Пушкин по разным поводам и в разных контекстах называет себя так. Это и шутовское применение к себе поговорки «Нет пророка в своем отечестве» в письме к В. Ф. Вяземской, где, описывая свою жизнь в Михайловском, Пушкин писал: «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным, — и вот я, — пророк в своем отечестве!» (конец октября 1824 г.; XIII, 532, оригинал по-франц.: XIII, 114). Это и характеристика своих произведений как пророческих: «Душа! я пророк, ей богу пророк! Я Андрея Ш.(енья) велю напечатать церковными буквами во имя от(ца) и сы(на) etc.» (XIII, 249; П. А. Плетневу, 4—6 декабря 1825 г.); «Гнедич не умрет прежде совершения Илиады — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк» (XIII, 264; П. А. Плетневу, 3 марта 1826 г.).

Как ни шутивы эти характеристики, уподобления поэта пророку весьма принципиальны в творческой и идеологической практике Пушкина. Полемизируя с А. А. Бестужевым, он писал: «...наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищены
Пророча, я тебя хвалил.
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет.

совпадают в чтении с нашим «основным» текстом, два вторых имеют следующий вид:

Иди, и с вервием на выи
К у.(бийце) г.(нусному) (?) явись.

Здесь же указаны (с. 1055) и варианты со слов С. А. Соболевского и А. В. Веневитинова.

¹⁸ Вацуро В. Э. Комментарии. С. 425.

¹⁹ Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 12—16.

«...восхищ(ался) стихами Пушкина из Исайи».⁸ Так можно написать о впервые прочитанном стихотворении. К тому же в 1826 г. Пушкин с Погодиным был знаком еще очень поверхностно и вряд ли мог доверить ему тайное стихотворение. Скорее всего, Погодин судит с чужих слов; четыре стиха превращаются в четыре стихотворения, что и создает версию о цикле.⁹

Версия о цикле обычно мотивируется и художественной несовместимостью текстов «Пророка» и четверостишия.¹⁰ Едва ли не единственными, кто возражал против этого тезиса, были Н. Ф. Сумцов¹¹ и Д. Д. Благой,¹² хотя последний — из соображений более идеологических, чем собственно эстетических.

Чтобы решить этот спор, обратимся еще раз к тексту четверостишия. За основной принимаем текст, записанный в пятидесятые годы П. И. Бартеневым:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг выи
К У. Г. явись.¹³

Мы должны учесть его «коллективность»: он записан со слов М. П. Погодина и А. С. Хомякова с конъектурой С. А. Соболевского,¹⁴ это и делает его более авторитетным в сравнении с другими. Со слов С. А. Соболевского же известны и варианты второго и третьего стихов «Позорной ризой облекись, иди — и с вервием на выи»,¹⁵ а со слов А. В. Веневитинова дан вариант второго, третьего и четвертого стихов:

Позорной ризой облекись,
И с вервием вокруг смиренной выи
К царюявись!¹⁶

Искаженность варианта А. В. Веневитинова очевидна, а то, что мы назвали основным текстом, — вполне добротно.¹⁷ Впечатление

⁸ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. Пг., 1916. С. 25.

⁹ Ошибки Погодина в письме Вяземского по поводу «Арапа Петра Великого» отмечены, см.: Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 296.

¹⁰ См.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 144 и след.; Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. С. 188.

¹¹ См.: Сумцов Н. Ф. 1) Исследования о поэзии А. С. Пушкина. Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьков, 1900. С. 193 («Пушкин (...) расширил общечеловеческую сторону художественного образа»); 2) Примечания // Пушкин А. С. Сочинения. 1916. Т. IV. С. 309.

¹² Благой Д. Д. 1) Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 535—541; 2) Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 29—31.

¹³ Рассказы о Пушкине... С. 31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русская старина. 1880. № 1. С. 133.

¹⁶ Там же. № 3. С. 673.

¹⁷ В изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. III. С. 461 — этот текст опубликован как самостоятельный, а не как вариант «Пророка». Первые два стиха

же некоторых исследователей о «художественной беспомощности» его¹⁸ обусловлено, как нам кажется, тем, что до сих пор остается непонятным, кто такой «пророк России». В прошлом веке Н. И. Черняев задавался этим вопросом: «Трудно также понять, что надлежит понимать под выражением „позорная риза“. Уж не рубище ли? Но почему же „пророк России“ должен ходить непременно в разорванной одежде? Это тайна автора разбираемого стихотворения».¹⁹ В веке нынешнем об этом, кажется, никто не высказывался.

Между тем ясно, что поскольку речь в стихотворении идет о назначении поэта, то поэт и есть пророк. В интересующее нас время Пушкин по разным поводам и в разных контекстах называет себя так. Это и шутовское применение к себе поговорки «Нет пророка в своем отечестве» в письме к В. Ф. Вяземской, где, описывая свою жизнь в Михайловском, Пушкин писал: «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвести их от себя; больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным, — и вот я, — пророк в своем отечестве!» (конец октября 1824 г.; XIII, 532, оригинал по-франц.: XIII, 114). Это и характеристика своих произведений как пророческих: «Душа! я пророк, ей богу пророк! Я Андрея Ш.(енье) велю напечатать церковными буквами во имя от(ца) и сы(на) etc.» (XIII, 249; П. А. Плетневу, 4—6 декабря 1825 г.); «Гнедич не умрет прежде совершения Илиады — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк» (XIII, 264; П. А. Плетневу, 3 марта 1826 г.).

Как ни шутивы эти характеристики, уподобления поэта пророку весьма принципиальны в творческой и идеологической практике Пушкина. Полемизируя с А. А. Бестужевым, он писал: «...наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищеньи
Пророча, я тебя хвалил.
Смотри, я рек, триумф минуту,
А добродетель век живет.

совпадают в чтении с нашим «основным» текстом, два вторых имеют следующий вид:

Иди, и с вервием на выи
К у.(бийце) г.(нусному) (?) явись.

Здесь же указаны (с. 1055) и варианты со слов С. А. Соболевского и А. В. Веневитинова.

¹⁸ Вацуро В. Э. Комментарии. С. 425.

¹⁹ Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 12—16.

Прочти послание к А.(лександру) (Жук.(овского) в 1815 году). Вот как русский поэт говорит русскому царю» (конец мая—начало июня 1825 г.; XIII, 179).

Уже позднее,²⁰ в «Путешествии в Арзрум», Пушкин передает слова одного из пашей: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются» (VIII, 475).

Подобное сравнение поэта с дервишем, граничившее со сравнением поэта с шутом, было не чуждо и общественному сознанию пушкинского времени. Так, Ч. Ф. Хеннигсен в своем очерке жизни и творчества Пушкина объяснял возвращение из ссылки Пушкина Николаем I словами последнего «о том, что Пушкину, учитывая его талант, следует предоставить ту неограниченную свободу слова (*unbounded freedom of speech*), какая предоставляется, в порядке исключения, одному из поэтов или одному из шутов, но никому другому».²¹

Вне зависимости от того, были ли данные слова сказаны на самом деле и знал ли их Пушкин, важно, что они находят параллель в текстах самого поэта. В том же письме к П. А. Плетневу, где Пушкин называл себя пророком, почти сразу же за цитированными словами читаем: «Кстати: Борька также вывел Юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! — мой Юродивый впрочем гораздо милее Борьки — увидишь. Вот тебе письма к двум еще Юродивым» (XIII, 249). Речь идет о том, что Б. М. Федоров в романе «Князь Курбский» так же изобразил юродивого, как и Пушкин — в «Борисе Годунове». Два других юродивых — П. А. Катенин и В. К. Кюхельбекер, которым Пушкин переслал письма через Плетнева.

Тема юродивого в переписке 1825—1826 гг. имеет вполне естественное обоснование. Пушкин работал над «Борисом Годуновым» и собирал материалы к трагедии. В письме к В. А. Жуковскому от 17 августа 1825 г. Пушкин просил: «...не лъзя ли мне доставить или жизнь Железного Колпака, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четь(ьих) М.(инях) — а мне бы очень нужно» (XIII, 212). Когда материал был получен, это дало повод для каламбуров: «Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее!» (П. А. Вяземскому, 13 и 15 сентября 1825 г.; XIII, 226). Наконец,

²⁰ См. об этом: Красноборожье Т. И. Тема «Литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 122—133.

²¹ Цит. по: Аринштейн Л. М. Неизвестные страницы ранней английской пушкинианы: (Критико-биографический очерк о Пушкине и роман из жизни пушкинского Петербурга) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. XI. С. 250.

когда трагедия уже написана, тема юродивого отрывается от реального истока и фигурирует в образных применениях совершенно самостоятельно: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе написана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (П. А. Вяземскому, около 7 ноября 1825 г.; XIII, 240).

Как истолковать последние слова? — Можно так: Пушкин хотел было высказать все, что думал, в «дурацкой» форме, ибо с дурака спрос не велик, но у него мало что получилось. Или: хотя слова о том, что богородица не велит молиться за царя Ирода, в трагедии произносит юродивый, читателю ясно, что протест против преступления на троне высказывает сам автор. Но важно иное — Пушкин берет на себя и роль пророка, и роль юродивого именно потому, что на Руси XVI—XVII вв. юродивые считались пророками.²²

История работы Пушкина над образом юродивого весьма подробно описана в специальных работах.²³ Для нашего исследования нелишне напомнить, что в сборниках пословиц и поговорок Пушкин отмечает такие: «В дураке и царь не волен», «В дураке и бог не волен»²⁴ и строит на них свою концепцию юродивого.

Итак, «пророк России» — это юродивый. Подобное истолкование образа в данном случае вполне корректно, ибо написанное в стиле «библейской» поэзии стихотворение «Пророк» вобрало в себя все слои и русской христианской традиции, и древнерусской культуры.

В свою очередь такое толкование «пророка России» объясняет и смущавшие читателей его атрибуты: «позорны ризы» и «вервие на выи». Один византийский писатель, поясняя смысл юродства, указывал: «Тако повелел бог и Исаии ходить нагу и необувенну, и Иеремии обложить чресленник о чреслах, и иногда возложить на выю клади и узы, и сим образом проповедовать...».²⁵ Здесь исключительно важно указание на то, что ветхозаветный пророк

²² Ср., например, свидетельства двух английских современников: «Их (юродивых. — М. С.) считают пророками и весьма святыми мужами, почему и позволяют им говорить свободно все, что хотят...» (цит. по: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырков Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 116); «В Пскове был тогда один юродивый, которого тамошние жители считали пророком»; «Между многими такими (юродивыми. — М. С.) был знатен Тимофей Архипович, сумазбродный подъячий, которого за святого и пророка суеверцы почитали...» (там же. С. 148, 153).

²³ См.: Грановская Н. Юродивый в трагедии Пушкина // Русская литература. 1964. № 2. С. 92—94; Филиппова Н. Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М., 1972. С. 61—65; Агранович С. З. Образ юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Содержательность форм в художественной литературе. Куйбышев, 1989.

²⁴ См. об этом: Филиппова Н. Ф. Народная драма Пушкина «Борис Годунов». С. 64.

²⁵ Цит. по: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырков Н. В. Смех в Древней Руси. С. 85.

Исайя воспринимался как юридический, а поскольку пушкинский «Пророк» восходит некоторыми своими образами к библейской книге Исайи,²⁶ совмещение в нем «пророческого» и «юродствующего» начал вполне оправданно.

Таким образом, «вервие на выи», столь долго смущавшее читателей Пушкина как указание на казнь через повешение, подобную казни декабристов, должно быть истолковано как атрибут пророческой деятельности и пророческой жизни человека. В этом ряду следует воспринимать строку Пушкина «И я бы мог, как шут...». Здесь имеется в виду не висеть, а истину даря говорить.²⁷

Будучи истолковано таким образом, четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» ни в коей мере не может быть воспринято как художественно недостаточное. Напротив, все в нем полноценно и убедительно. Как мы предполагаем, это четверостишие было первоначальным вариантом заключительного четверостишия «Пророка». Отказ же Пушкина от «пророка России» легко объясняется стремлением уйти не от социальной остроты проблемы, но от исторической конкретности образа пророка-юродивого, который мог не найти адекватного восприятия. И действительно, А. С. Хомяков, имевший возможность судить об обоих вариантах стихотворения, полагал, что «Пророк», «бесспорно великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда)».²⁸ Хомяков считал, что поскольку первый вариант окончания был нецензурен, то Пушкин только вследствие этого прибегнул к более «общей» формуле. Он, как, впрочем, и многие пушкинские читатели XIX—XX вв., не увидел в пророке-юродивом большого человеческого смысла и значения.

Приведенные выше соображения должны, кажется, убедить в необходимости рассматривать четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» как вариант к основному тексту «Пророка» и публиковать его в разделе «Варианты».

²⁶ Впервые об этом см.: Г а л а х о в А. Полная русская хрестоматия. 2-е изд. М., 1845. С. 211. Среди последних работ, где упоминается данная тема, см.: Ф р и д м а н Н. В. Романтизм в творчестве Пушкина. С. 185.

²⁷ См. об этом: Л о т м а н Л. «И я бы мог, как шут (...)» // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 46—59.

Надо, впрочем, отметить, что в свете нашего материала появление этой строки у Пушкина можно объяснить и вне прямой связи с романом В. Скотта «Айвенго», хотя, с другой стороны, образ именно шута В. Скотта, имевший у Пушкина негативные коннотации (там же. С. 55—59), и предопределил незавершенность темы, заданной данной строкой. И генетически, и функционально «пророк» был связан с «шутком» через «юродивого», но Пушкин предпочитал решать тему поэта как «пророка».

Иную трактовку строки «И я бы мог, как шут ...» см.: Иезуитова Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 95—99.

Надо, впрочем, отметить, что Р. В. Иезуитова недооценивает отмеченные выше негативные коннотации образа «шута», что размывает точные границы данной трактовки.

²⁸ Цит. по: Кошелев В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 39.

II

Тема поэта как зеркала мира в русской поэзии появилась, очевидно, у Пушкина. Еще в 1818 г. в послании «К Н. Я. Плюсковой» Пушкин писал:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

(II, 65)

Текст этот был совершенно неожидан в силу неподготовленности предшествующими размышлениями поэта и на долгое время остался без отзыва и в самой пушкинской поэзии, и у его современников. В 1832 г. Пушкин создает стихотворение «Эхо» — вольный перевод «Прибрежного эха» Барри Корнуолла.²⁹ Ключевое место между этими двумя текстами занимает четверостишие из «Пророка», где сказано:

И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

(III, 30)

Именно это четверостишие будет предметом следующего комментария.

В 1832 г. Е. А. Баратынский написал стихотворение «На смерть Гете», где представил немецкого поэта гением, способным проникнуть во все тайны бытия. Одна из строф звучит так:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.³⁰

В том же году Ф. И. Тютчев написал стихотворение «На древе человечества высоко...», которое по содержанию также связывают со смертью Гете. Здесь великий немец

Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл.³¹

Наконец, в 1837 г. Е. Гребенка в стихотворении «Недуг» ска-

²⁹ См. об этом: Яковлев Н. В. Последний собеседник Пушкина (Бари Корнуоль) // Пушкин и его современники. СПб., 1917. Вып. XXVIII.

³⁰ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989. С. 174. На возможность применения этих стихов Баратынского к Пушкину, т. е. на известное сходство с «Пророком», см.: Сумцов Н. Ф. Исследования о поэзии А. С. Пушкина. С. 16.

³¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 121.

Вижу светлых алмазов рождение,
Знаю, в недрах земли
Как граниты росли,
Чую трав и небес прозябанье.³²

В этих трех текстах трудно не уловить более или менее удаленных от первоисточника реминисценций из «Пророка», а в связи со странным совпадением дат создания «Эха», «На смерть Гете» и «На древе человечества высококом...» нельзя не задуматься о мотивах, вызвавших появление стихотворения Пушкина. Но в любом случае — вначале был «Пророк». Однако если два автора (Баратынский и Тютчев) с той или иной степенью очевидности пишут о Гете, то не проще ли предположить в качестве источника и «Пророка» — Гете?

И в самом деле Тютчев на рубеже 1820—1830-х гг. переводит «Фауста», в частности монолог Фауста из сцены «Лес и пещера», где герой, обращаясь к «державному духу», говорит, что тот

Земнородных строй
Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод —
В них братий познавать и их любить.³³

Но если это так, то какое место в данном ряду: Гете—Баратынский—Тютчев занимает Пушкин? Ведь Пушкин немецкого языка не знал, по-немецки не читал и, как свидетельствовал В. М. Жирмунский, «ни одна черта в его поэтическом облике не была под-сказана влиянием немецкого поэта».³⁴ Более того, «Фауст как носитель романтического томления, искатель бесконечного знания и безграничного счастья, погруженный в мистическое созерцание природы и „чувственно-сверхчувственное“ переживание любви, одним словом — романтический Фауст Веневитинова, Тютчева, Аксакова остался вне поля зрения Пушкина».³⁵

Стоит задуматься, так ли это, все ли моменты этого утверждения беспорны.

Здесь мы должны учесть, что Пушкин, подобно своему Онегину, «знал немецкую словесность По книге госпожи де Сталь» (VI, 219),³⁶ т. е. по книге Ж. де Сталь «О Германии». В этой книге французская писательница подробно пересказывает, а местами даже переводит гетевского «Фауста». Переводит она и монолог

³² Цит. по: Зубков С. Д. Евгений Павлович Гребінка. Життя и творчість. Київ, 1962. С. 84.

³³ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. С. 116—117.

³⁴ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 105.

³⁵ Там же. С. 111.

³⁶ Автобиографический характер этой характеристики Онегина был впервые отмечен Б. В. Томашевским (Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 19—20) и подтвержден В. М. Жирмунским (Гете в русской литературе. С. 106). О влиянии книги де Сталь на формирование пушкинской концепции Мефистофеля см.: Вацуро В. Э. К генезису пушкинского «Демона» // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 255.

Фауста из сцены «Лес и пещера», причем замечает: «...rien n'est plus beau, en allemand, que les vers dans lesquels il exprime tout à la fois l'enthousiasme de la science et la satiété du bonheur». ³⁷ Ясно, что таким образом рекомендованный монолог вряд ли мог пройти мимо взгляда внимательного читателя де Сталь, каким был Пушкин. ³⁸

Перевод де Сталь из Гете очень близок оригиналу; есть смысл удостовериться в этом, ибо книга «О Германии» недостаточно полно включена в научный оборот. ³⁹

Гете

Erhabner Geist, du gabst mir, gab mir alles,
Warum ich bat. Du gast mir nicht umsonst
Dien Angesicht im Feuer zugemendet.
Gabst mir die herrliche Natur zum Königreich,
Kraft, sie zu fühlen, zu genießen. Nicht
Kalt staunenden Besuch erlaubt du nur,
Vergönnest mir, in ihre tiefe Brust
Wie in den Busen eines Freunds zu schauen.
Du führst die Reine der Lebendigen
Vor mir vorbei und lehrst mich meine Brüder
Im Stillen Busch, in Luft und Wasser kennen,
Und wenn der Sturm im Walde braust und knarrt.
Die Riesenfichte stürzend Nachbäraste
Und Nachbarstämme quetschend niederstreift
Und ihren Fall dumpf hohl der Hügel donnert.
Dann führst du mich zur sichern Höhle, ziegst
Mich dann mir selbst, und meiner eignen Brust
Geheime tiefe Wunderöffnen sich.
Und steigt vor meinen Blick der reine Mond
Besänftigend herüber, schweben mir
Von Felsenwänden, aus dem feuchten Busch
Der Vorwelt silberne Gestalten auf
Und lindern der Betrachtung strenge Lust. ⁴⁰

де Сталь

Esprit sublime! tu m'as accordé tout
ce que je t'ai demandé. Ce n'est pas
en vain que tu as tourné vers moi
ton visage entouré de flammes; tu
m'as donné la magique natur pour
empire, tu m'as donné la force de la
sentir et d'en jouir. Ce n'est pas une
froide admiration que tu m'as permise,
mais une intime connaissance,
et tu m'as fait pénétrer dans
le sein de l'univers, coome dans
celui d'un ami; tu as conduit devant
moi la troupe variée des vivants, et
tu m'as appris à coonnaître mes
frères dans les habitants des bois,
des airs et des eaux. Quand l'orage
gronde dans la forêt, quand il déracine
et renverse les pins gigantesques
dont la chute fait retentir la
montagne, tu me guides dans un sûr
asile, et tu me révéles les secrètes
merveilles de mon propre coeur.
Lorsque la lune tranquille monte
lentement vers les cieux, les ombres
argentées des temps antiques
planent à mes yeux sur les rochers,
dans les bois, et semblent m'adoucir
le sévère plaisir de la méditation. ⁴¹

³⁷ *Staël madame de*. De L'Allemagne. Paris, 1859. P. 280, Пер.: «...в немецком языке нет ничего более прекрасного, чем стихи, в которых он (Фауст. — М. С.) выражает одновременно воодушевление наукой (знанием) и пресыщение счастьем».

³⁸ Книга де Сталь «О Германии» не сохранилась в пушкинской библиотеке (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 341—342): из собрания сочинений де Сталь именно тома, содержащие ее (X и XI), утеряны. Но они, очевидно, были хорошо знакомы Пушкину, о чем и свидетельствует характеристика Онегина.

³⁹ Фрагменты книги де Сталь (по преимуществу эстетического характера) приведены в кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. [М.], 1980. С. 383—391.

⁴⁰ Goethes Werke. Leipzig-Wien, 1930. V. 5. P. 145—146.

⁴¹ *Staël, madame de*. De L'Allemagne. P. 280—281.

Ср. также наши переводы обоих текстов:

Гете

Могучий дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем я просил. Ты не напрасно
Свой лик в огне обратил (ко мне).
Ты дал мне прекрасную природу для владычества,
Силы — ее чувствовать, ею наслаждаться.
Ты разрешаешь не только холодно удивленным гостем быть,
Позволяешь заглянуть мне в глубину ее груди
Как другу в объятия.
Ты проводишь ряд
Живых (существ) передо мной
И знакомишь меня с моими собратьями
В тихой роще, в воздухе и воде.

де Сталь

Высший дух, ты дал мне все, что
у тебя просил. Не напрасно ты
обратил ко мне свое лицо, окруженное пламенем; ты дал мне магическое свойство власти, ты дал мне силу, чтобы чувствовать и наслаждаться ею (чем — силой власти или природой? — М. С.). Это не (то) холодное восхищение, которое ты обещал мне, но близкое знакомство, и ты заставил меня проникнуть в недра вселенной, как в сердце (душу. — М. С.) друга; ты провел передо мной разнообразную вереницу живых существ, и ты научил меня узнавать моих братьев в обителях лесов, небес (воздуха) и вод.

Итак, обращаясь к Высшему духу, Фауст благодарит его за те дары, которые позволили ему обладать всей природой и — главное — познавать живые существа, населяющие леса, воздух и воды. На ум волей-неволей приходит пушкинское четверостишие про «неба содроганье и горний ангелов полет», про «гад морских подводный ход» и про «дольней лозы прозябанье».

Однако на этом только сходстве текстов Пушкина и Гете в переводе де Сталь строить гипотезу о восхождении четверостишия «Пророка» к «Фаусту» было бы все же несколько рискованно. Для внятной убедительности нужны и дополнительные аргументы.

«Пророк», как известно, был написан (во всяком случае в первоначальной своей редакции) до 3 сентября 1826 г.⁴² По приезде в Москву из Михайловского Пушкин близко сходится с Д. В. Веневитиновым.⁴³ Именно к концу 1826 г.⁴⁴ относится веневитиновский перевод из «Фауста» — «Монолог Фаустов в пещере» — того самого места, которое особенно интересует нас:

Всевышний дух! ты все, ты все мне дал,
О чем тебя я умолял.
Недаром зрелся мне
Твой лик, сияющий в огне.
Ты дал природу мне, как царство, во владенье;
Ты дал душе моей

⁴² М. А. Цявловский дает датировку 24 июля—3 сентября 1826 г. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. III. С. 1130).

⁴³ См.: Погодин М. П. Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 18—22.

⁴⁴ Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 188.

Дар чувствовать ее и силу наслажденья.
Другой едва скользит по ней
Холодным взглядом удивленья;
Но я могу в ее таинственную грудь
Как в сердце друга заглянуть.
Ты протянул передо мною
Созданий цепь — я узнаю
В водах, в лесах, под твердью голубою
Одну благую мать, одну ее семью.⁴⁵

Вообще при том интересе, который испытывали русские романтики (особенно германофильской ориентации) к Гете, естественно предположить, что именно Веневитинов и обратил внимание Пушкина к данному монологу Фауста. Однако это не так.

Как можно заметить, в творчестве Веневитинова до 1826 г. образ поэта постоянно связывается с именем Байрона, например:

...смелый ученик Байрона,
Я устремлюсь на крыльях мечты
К волшебной стороне, где лебедь Альбиона
Срывал забытые цветы...

(1825).⁴⁶

И хотя к середине 1826 г. относится веневитиновский перевод «Песни Клары» из трагедии Гете «Эгмонт», но образ поэта у него все равно байроновский.

Однако уже к 1826 г. или январю 1827 г. относится стихотворение «Три части», где сказано:

Завидней поэта удел на земли.
С младенческих лет он сдружился с природой...⁴⁷

В стихотворении 1826 или 1827 г. «Я чувствую, во мне горит...» герой слышит «голос прорицанья: открой глаза на всю природу».⁴⁸ Наконец, в диалогической элегии 1827 г. «Поэт и друг» Поэт говорит:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства...⁴⁹

Итак, «смелый ученик Байрона» вдруг в 1826 г. оставил своего учителя и обратился к Гете. Причиной этого обращения вполне могло быть влияние Пушкина. Нам могут, правда, возразить, что в написанном в сентябре или октябре 1826 г. стихотворном посла-

⁴⁵ Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 138.

⁴⁶ Там же. С. 69.

⁴⁷ Там же. С. 103.

⁴⁸ Там же. С. 118, 117.

⁴⁹ Там же. С. 143.

нии «К Пушкину» сам Веневитинов призывал Пушкина воспеть Гете, как поэт уже раньше воспел Байрона и Шенье:

Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья:
К хвалам оплаканных могила
Прибавь веселые хваленья.
Их ждет еще один певец:
Он наш — жилец того же света,
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.⁵⁰

Но дело в том, что именно Пушкин как автор «Сцены из Фауста»⁵¹ мог скорее влиять на Веневитинова, чем Веневитинов — на Пушкина. Ибо в уже цитированном нами монологе Фауста из сцены «Лес и пещера» были такие заключительные слова:

Гете

де Сталь

So tauml' ich von Begierde zu Genuß,
und im Genuß verschmachtet ich nach
Begierde.⁵²

...je passe avec ivresse du désir au bonheur;
mais au sein du bonheur fait regretter le
désir.⁵³

Ср. переводы:

Так шатаюсь я от страстного желания
к наслаждению,
И от наслаждения возвращаюсь
к страсти.

С опьянением перехожу я от желания к
счастью; но даже в самом счастье смут-
ная тоска заставляет меня сожалеть о
желании.

Вот как перевел это место Веневитинов:

И я стремлюсь несытою душой
В желаньи к счастью, а в счастье к желанью.⁵⁴

Это противопоставление «страстного желания» и «наслаждения» (переводы де Сталь и Веневитинова терминологически неточны, ибо в них «наслаждение» заменено словом «счастье» (*bonheur*)) очень близко излюбленной пушкинской оппозиции «вольности и покоя» и «счастья»: пассивного восприятия жизни и активного стремления к жизнетворчеству.⁵⁵ Именно Пушкин мог воспринять эти близкие ему идеи у Гете (через де Сталь) и подключить к ним Веневитинова.

⁵⁰ Там же. С. 83—84.

⁵¹ См. об этом: Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 469—488.

⁵² Goethes Werke. V. 5. P. 146.

⁵³ Staël, madame de. De L'Allemagne. P. 281.

⁵⁴ Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. С. 139.

⁵⁵ См. об этом: Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. С. 72—83.

Более того, мысль о поэте-эхо, чутко откликающемся на все впечатления бытия, была уже знакома Пушкину (см. упомянутое выше послание к Н. Я. Плюсковой). Значит, именно Пушкин (в чтении де Сталь) ввел впервые в русскую поэзию тему поэта-эхо.

Уместно напомнить, что с именем Пушкина связан и первый полный перевод «Фауста» на русский язык. Переводчик Э. И. Губер посвятил свой труд памяти Пушкина такими стихами:

Когда меня на подвиг трудный
Ты, улыбаясь, вызывал,
Я верил силе безрассудной
И труд могучий обещал.⁵⁶

Интересующее нас место дано у Губера в очень близком к оригиналу переводе, хотя, конечно, и не вполне совершенном:

Всесильный дух! ты дал мне, дал мне все,
О чем тебе молился я. Недаром
Ты показал мне пламенный свой образ;
Ты дал мне эту дивную природу,
Дал силу чувствовать и наслаждаться ею.
И я дивлюсь не с холодным удивленьем
Ее высоким тайнам; ты позволил
Мне заглянуть в ее святую грудь,
Как в сердце друга; ты передо мною
Провел ряды живых твоих созданий,
Ты братьев научил меня познать
В водах и в воздухе, и в роще тихой.
(.....)
.....) быстро от желанья
Перехожу я к неге наслажденья,
А, наслаждаясь, вновь горю желаньем.⁵⁷

Конечно, роль Пушкина в этом переводе, может быть, очень мала,⁵⁸ и тем не менее не следует забывать, что какое-то участие в нем Пушкин все же принимал.

Весь наш анализ, таким образом, позволяет комментировать стихи Пушкина в «Пророке» как восходящие к монологу Фауста, что значительно обогащает наше представление о связях русского и немецкого поэтов.⁵⁹ Однако сразу же укажем и на различие в истолковании образа поэта у Пушкина и поэтов-«германофилов». Вместо пушкинского поэта-эхо эти молодые поэты дают истолкование гетевского образа как поэта-философа.⁶⁰ Здесь, несмотря на сходство образности, уже сказался намечавшийся разрыв между Пушкиным и любомудрами.

⁵⁶ Гете И. В. Фауст / Издание А. А. Каспари. СПб., [б. г.]. С. 3.

⁵⁷ Там же. С. 73—74.

⁵⁸ См. об этом: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 410—418.

⁵⁹ См. также статьи М. П. Алексеева в его кн.: Пушкин и мировая литература. С. 402—468; 489—501.

⁶⁰ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 128—129.